

Предлагаемая статья была написана в мае 1978 г. и опубликована в одном из сборников Института Дальнего Востока АН СССР, который по каким-то причинам не оказался в моей библиотеке. Переопубликовать ее на сайте меня вынудили работы нынешних пробуржуазных российских ученых-японистов, занимающихся фальсификациями внешней политики СССР на Дальнем Востоке с не меньшим рвением, чем когда-то западные ученые. Хотя я давно пишу в другой манере, но я не стал менять «советский» стиль данной статьи, чтобы сохранить исторические коннотации того времени.

Фальсификация истории борьбы СССР за мир на Дальнем Востоке в 1931–1945 гг. в западной буржуазной историографии

Политика СССР на Дальнем Востоке в 1931–1945 гг. привлекает к себе пристальное внимание буржуазных историков-международников. Это не случайно. Борьба Советского Союза против агрессии японского милитаризма и его бескорыстная помощь китайскому народу, стремление к созданию системы коллективной безопасности, наконец, вступление СССР в войну с Японией оказали существенное воздействие на развитие международно-политической обстановки на Дальнем Востоке. Изучение советской внешней политики буржуазными авторами можно было бы только приветствовать, особенно в свете поиска путей к углублению взаимопонимания между странами с различным социально-экономическим строем. Однако приходится констатировать, что в значительной части работ западных авторов, опубликованных после второй мировой войны, политика СССР на Дальнем Востоке намеренно искажается. Особенно грубым фальсификациям подвергается позиция СССР в отношении Китая и Японии в 1931–1945 гг.

Подробно этот период освещен в трудах известных американских востоковедов Д. Далина, Г. Мур, специалиста по советско-японским отношениям Дж.Ленсона, западногерманских "советологов" К.Кригера и Г.Брама. Менее подробно, но с более четкой расстановкой акцентов эта тема разбирается в работах историков из ФРГ А.Кашина и Р.Римера[1]. За исключением Г.Мур и Дж. Ленсона, всех упомянутых авторов можно отнести к правому крылу буржуазной историографии.

Среди работ японских авторов по интересующей нас проблеме, следует назвать сборник статей "Изучение истории японской дипломатии", монографии крупных японских историков Икухико Хата "История японо-китайской войны" и Косаку Тамура "Дипломатическая история войны на Тихом океане", шеститомное издание "Путь к тихоокеанской войне. Дипломатическая история начала войны", "Историю японской

дипломатии", четырехтомную "Историю войны на Тихом океане", наконец, книгу профессора Корэтада Сакамото "Пограничные проблемы в истории советско-китайских отношений"[2].

При обобщении взглядов буржуазных исследователей обнаружилось два четко прослеживаемых подхода к проблеме советско-японо-китайских отношений в 1931-1945 гг. Сторонниками первого чаще всего являются европейские и американские авторы, которые придерживаются тезиса о так называемом "прояпонском нейтралитете" Советского Союза в период японо-китайской войны. К ним в данном вопросе примыкает и К. Сакамото. Сторонниками второго направления являются в основном японские международники, которые, наоборот, расценивают политику Советского государства в тот период как отвечающую национальным интересам якобы только Советского Союза и вследствие этого развивавшуюся-де в ущерб интересам Китая.

На позициях тезиса "прояпонского нейтралитета" стоят все названные западные авторы, за исключением Г.Мур и Дж.Ленсена. Например, Кашин и Ример настаивают на том, что с самого начала агрессии Японии в Маньчжурии в 1931 г. отношение СССР к этой агрессии "было прояпонским". Г.Брам, подчеркивая другую часть этого тезиса, - будто бы присущий политике Советского Союза антикитаизм, пишет: "Когда в 1931 г. японские войска овладели Маньчжурией, усилия советской дипломатии заключались в том, чтобы экспансионистские устремления Токио направить на Юг"[3]. Таким же образом оценивают отношение СССР к маньчжурским событиям американские авторы Камерон, Мэхони и Макрейнольдс[4]. Д. Далин идет еще дальше. Он поддерживает таких ученых, которые, как он пишет, "рассматривали политику СССР в начале 30-х годов... как русско-японский альянс против Китая и западных держав"[5]. В подтверждение данного тезиса Далин указывает на существовавшее-де у Советского Союза желание уклониться от подписания договора о ненападении с Китаем. Он пишет: "Китайское правительство ...предложило Москве заключить договор о ненападении, одновременно восстановив дипломатические отношения. ...Литвинов никогда не указывал причину, почему китайское предложение о заключении пакта было отклонено"[6].

Ниже будет показана беспочвенность подобных утверждений Далина, позаимствованных, кстати, у гомиьндановского дипломата Янь Хой-циня. Причину "прояпонского" поведения СССР в 1937-1945 гг. авторы книги «Политика России в отношении Китая», а также К. Кригер усматривают в том, что "благодаря японо-китайской войне Москва была освобождена от собственных забот", почему она и была

якобы "заинтересована по возможности в длительном военном вовлечении империи (то есть Японии. - Авт.) в Китае»[7].

Известно, что на протяжении 1931-1945 гг., несмотря на всестороннюю помощь со стороны Советского Союза Китаю, враждебность гоминьдановского правительства к советскому государству не исчезла. Оправдывая антисоветскую позицию чанкайшистов, ряд авторов объясняют ее всё тем же тезисом о "прояпонском нейтралитете" СССР, прибегая подчас к откровенной подтасовке фактов, как это делают, например, Кашин и Ример. Они пишут, что Советский Союз 11 июня 1941 г. подписал торговый договор с Японией, по которому предполагалось ежегодно увеличивать товарооборот между Японией и СССР на 30 млн иен, а 30 марта 1944 г. по договоренности с Японией СССР якобы обязался поставлять ей товары на 50 млн рублей и нефть в обмен на отказ Японии от северосахалинских угольных концессий. Из всего этого авторы делают ложный вывод о том, что "после того как непосредственная угроза дальневосточным границам со стороны Японии исчезла, Советский Союз проявил даже свою готовность поддержать японские военные устремления"[8].

В действительности такого торгового договора не было. Что же касается договоренности 1944 г., то в соответствии с ней было условлено, что за отказ японского правительства от концессий "СССР должен был уплатить Японии 5 млн рублей (а не 50. - Авт.) и брал обязательство после окончания войны поставлять Японии ежегодно в течение 5 лет по 50 тыс. т нефти на обычных коммерческих условиях"[9](курсив мой. – Р.А.). Разгром же Квантунской армии в августе 1945 г. убедительно опровергают утверждения Кашина и Римера о мнимой "готовности" СССР "поддержать японские военные устремления".

Исходя из того же пресловутого тезиса о "прояпонском нейтралитете", некоторые буржуазные авторы оценивают и факт заключения Советским Союзом пакта о нейтралитете с Японией в апреле 1941 г. В частности, австралийский синолог Р. Бойд утверждает, что будто бы именно "советско-японский пакт о нейтралитете... положил конец советской поддержке Китаю в его борьбе против Японии"[10].

В света подобных утверждений представляет интерес монография Дж. Ленсена, выводы которого опровергают оценки вышеназванных авторов. Ленсен пишет, что одной из важных причин, побудивших японское правительство пойти на улучшение отношений с СССР в 1941 г., была надежда заставить Советский Союз прекратить оказание помощи Китаю, чтобы "таким образом ослабить китайское сопротивление Японии". Однако Токио, убедившись, что и после заключения пакта советское государство продолжало помогать Китаю, пыталось оказать давление на СССР. Но, как замечает Ленсен, "советское правительство даже отказалось обсуждать вопрос

русской помощи... указав, что пакт о нейтралитете не регулирует отношения с третьими странами"[11].

Японские же международники подходят к политике Советского Союза, так сказать, с другого конца. Они не решаются так открыто, как это делают западные ученые, игнорировать военную, материальную и моральную помощь СССР Китаю в период японо-китайской войны. Так, авторы упоминавшегося издания «Путь к Тихоокеанской войне» определяют политику Советского Союза "как политику сдерживания Японии". Одним из сдерживающих моментов, по их мнению, был договор о ненападении, подписанный Советским Союзом и Китаем 21 августа 1937 г. Этот договор вызывает у японских историков особую неприязнь прежде всего потому, что он "заранее исключил возможность примирения Китая с Японией за компенсацию участия в антикоммунистическом лагере"[12]. Другими словами, договор плох потому, что не давал возможности Китаю объединиться с Японией (безусловно на базе требований Токио) для совместной борьбы против Советского Союза. А с другой стороны, этот договор одновременно превращал якобы Китай в зависимое от СССР государство. Такова логика этих авторов.

К. Тамура более подробно развивает тезис мнимой эгоистичности "прокитайской" политики Советского Союза. Касаясь вопросов о том же договоре о ненападении и вообще всей помощи СССР Китаю, он пишет, что это было "гарантией обеспечения безопасности самого Советского Союза", поскольку эта помощь "препятствовала поглощению слабого Китая сильной Японией"[13].

О "своекорыстной" политике СССР в отношении Китая в те годы пишет и Хата. Он указывает, что в отличие от всех западных стран Советский Союз был единственным государством, который предоставил Китаю военную, дипломатическую и моральную помощь. Но подобная политика в отношении Китая якобы отвечала интересам только Советского государства и КПК, поскольку, подчеркивает Хата, "главная цель Советского Союза заключалась в том, чтобы направить развитие войны на истощение и с помощью этого предотвратить расширение военных действий Японии против СССР и одновременно содействовать расширению влияния КПК"[14].

Таким образом, на основе тезиса об "антияпонском и прокитайском характере" советской политики японские авторы делают вывод: во-первых, о "национальной эгоистичности" советской внешней политики в отношении Китая, конечная цель которой - поставить Китай в зависимость от СССР; во-вторых, такая политика "содействовала" продолжению японо-китайской войны (то есть если бы не помощь со стороны СССР, война окончилась бы быстрее, разумеется, в пользу Японии), и, в-

третьих, эта "национально-эгоистическая" политика СССР порождала антисоветские настроения в гоминьдановском правительстве.

Итак, политика Советского Союза в отношении Японии и Китая подвергается злонамеренным фальсификациям, преследующим определенные политические цели. Кроме того, пропаганда названных тезисов - это проявление постфактум недовольства развитием событий на Дальнем Востоке в тот период, недовольства политикой Советского Союза, который, несмотря на усилия империалистических держав, а также отчасти гоминьдановского правительства Китая, избежал втягивания в войну в невыгодных стратегических условиях, что до сих пор не дает покоя некоторым реакционным кругам Запада и Японии.

Чтобы оценить действительную роль Советского Союза на Дальнем Востоке в те годы, целесообразно хотя бы в самой сжатой и схематичной форме показать позиции сторон во взаимоотношениях внутри "треугольника" СССР - Япония - Китай, а также глобальные условия, на фоне и под влиянием которых формировались эти взаимоотношения.

Японская агрессия в Китае в 1931-1932 гг. и позиция СССР

18 сентября 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию. Центральное нанкинское правительство отдало приказ, запрещавший китайским вооруженным силам оказывать сопротивление агрессору. В результате Япония за короткое время оккупировала всю Маньчжурию и создала на ее территории уже в марте 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-го.

Японские правящие круги, пытаясь предотвратить вмешательство Запада в маньчжурские события, всячески подчеркивали анти-советскую направленность своей агрессии. Расчеты Токио оправдались. США, Англия, Франция, несмотря на острые противоречия с японским милитаризмом, видели в нем силу, способную подавить революционное движение в Китае, а захват Маньчжурии и превращение ее в японскую вотчину рассматривали как подготовку Японии к нападению на СССР. Однако вопреки историческим фактам некоторые американские историки, как пишет Дж.Ленсен, "работая прежде всего с японскими источниками, пытаются утверждать, что японская экспансия была частично реакцией на советскую угрозу. Данные исследования (проведенные самим Ленсеном. – Авт.) показывают, что в действительности никакой агрессии (со стороны Советского Союза. –Авт.) в 1930 г. не существовало и что СССР искренне желал установления дружеских отношений с Японией"[15]. Подобный вывод Ленсена подтверждается фактами.

Отношение СССР к японской агрессии в Китае было с самого начала определенно выражено, в частности, в редакционных статьях "Правды" и "Известий" за 25 и 26 сентября 1931 г. В них были осуждены захватнические цели японского империализма, который вел в Маньчжурии классическую политику "сильной руки", "осуществляя мечты и пожелания крайних японских милитаристов", а также указаны и внешние силы, стоящие за спиной японских интервентов. Обе газеты подчеркивали, что сочувствие Советского Союза "на стороне китайского народа" .

Советский Союз развернул активную деятельность по организации международной поддержки Китаю, ставшему первой жертвой японской агрессии. Советский представитель в Лиге наций неоднократно заявлял о готовности СССР поддержать любые предложения и действия международных органов, направленных на скорейшее и справедливое решение конфликта на Дальнем Востоке. Даже некоторые буржуазные ученые, далекие от симпатий к Советскому Союзу, вынуждены признать искреннее стремление СССР помочь Китаю. Например, Г. Мур пишет, что "советское правительство направило делегацию на конференцию по разоружению, чтобы выступить за позитивные действия с целью предотвратить расширение войны в Манчжурии"[16]. Однако такая позиция Советского государства не нашла поддержки в правящих кругах империалистических держав.

Отказ держав Запада выступить в защиту Китая вынудил правительство Чан Кайши пойти на восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом, ранее прерванных из-за враждебной деятельности китайской стороны, спровоцировавшей в 1929 г. вооруженный конфликт с СССР. В конце июня 1932 г. в Женеве начались переговоры между китайским дипломатом Янь Хойцинем (Иен) и советским представителем М.М.Литвиновым о восстановлении дипломатических отношений и подписания пакта о взаимном ненападении. 12-декабря 1932 г. дипломатические и консульские отношения между странами были восстановлены.

Позитивный сдвиг в отношениях между СССР и Китаем "вызвал подозрения и негодование в Японии"[17]. Представитель МИД Японии Сиратори в интервью американскому корреспонденту /13 декабря 1932 г./ заявил, что Китай-де "совершил большую ошибку, восстановив дипломатические отношения с Советским Союзом... Япония относится крайне неблагоприятно к восстановлению тесного сближения между СССР и Китаем... Сегодня больше чем когда-либо Китаю следовало бы держаться вдали от Советского Союза"[18]. Особенно откровенно позиция Токио была изложена тогдашним министром иностранных дел Японии Утида в парламентской речи 21 января 1933 г. Он заявил, что смягчение китайско-русских отношений якобы создает "серьезную угрозу миру на Востоке, против чего Япония, конечно, должна принять меры"[19]. Эти "меры" стали приобретать форму

многочисленных "инцидентов" на КВЖД. Участились провокации японской военщины на советской границе.

Весьма показательны также и то, что пакт о ненападении, предложенный Советским Союзом ранее, был отклонен японским правительством в день опубликования сообщения о восстановлении отношений между СССР и Китаем.

После восстановления дипломатических отношений с Китаем советское правительство активизировало попытки заключить с ним пакт о нейтралитете и ненападении, который, безусловно, упрочил бы его международные позиции. Известие о советском предложении обеспокоило японское правительство, которое через своего посла в Москве Ота заявило, что "советско-китайский пакт не может не оказать отрицательного влияния на отношение общественного мнения Японии к СССР"[20]. Однако нанкинское правительство затягивало переговоры относительно упомянутого пакта, а также торгового договора, все еще надеясь на компромисс с Японией. Полпред СССР в Китае Д.В.Богомолов в письме в НКВД СССР от 13 ноября 1933 г. сообщал, что китайское правительство проявляет сейчас полную незаинтересованность в сотрудничестве и что самое главное то, "что нанкинское правительство ведет в настоящее время чрезвычайно серьезные переговоры с Японией о всей своей дальнейшей политике и, возможно, старается использовать как бы ведущиеся переговоры с нами для торга с Японией"[21].

В свете этого особенно неприглядными выглядят попытки гоминьдановской дипломатии, а затем и некоторых западных историков возложить ответственность за затяжку решения вопроса о подписании пакта о ненападении в эти годы на Советский Союз. Так, Янь Хойцин, который вел с Литвиновым переговоры о восстановлении дипломатических отношений, извращая факты, заявил 12 декабря 1932 г. следующее: "Главным предложением Китая был пакт о ненападении, однако он был в конечном счете (курсив мой. – О.А.) отклонен Советским Союзом вследствие того, что (СССР. - Авт.) не желал восстанавливать дипломатические отношения, обусловленные подписанием пакта"[22]. Документы, опубликованные в СССР, полностью доказывают абсурдность подобных измышлений. "Мы готовы без всяких условий восстановить отношения, после чего сразу же приступить к заключению пакта", - писал Л.Карахан Литвинову в Женеву[23].

В целом в 1931-1932 гг. при явно противоположных позициях Москвы и Нанкина в решении вопроса о характере нормализации советско-китайских отношений все же был достигнут позитивный сдвиг. Однако нельзя не подчеркнуть, что в этот период усиливавшийся нажим Японии на Китай, причем в крайне неблагоприятных для Нанкина международных условиях, все же оказался намного слабее действия такого фактора, как собственные классовые интересы гоминьдановцев, связанные с борьбой

против революционного движения в стране. Именно поэтому в начале 30-х годов, а в сущности и до их середины, агрессия Японии не привела к коренному повороту в отношениях Китая с Советским Союзом.

Политика гоминдановского Китая в отношении СССР и Японии в 1933–1937 гг.

Политика гоминьдана в отношении Японии и после захвата последней Маньчжурии продолжала сохранять капитулянтский характер. Во время вторжения японских войск в провинцию Хэбэй китайские власти, несмотря на превосходство сил, предпочли активной обороне переговоры с агрессором, которые завершились 31 мая 1933 г. подписанием в Тангу японо-китайского соглашения. В октябре 1933 г. Китаем была достигнута договоренность с Японией об установлении железнодорожной, почтовой и торговой связи с Маньчжоу-го. Тогда же Нанкин изъявил готовность покончить с антияпонскими настроениями в Китае, за что японские власти обещали предоставить Чан Кай-ши заем и военное снаряжение для "уничтожения коммунистических сил". В японских правящих кругах в это время стала брать верх группировка, которая считала, что для успешной войны с СССР необходимо договориться с Чан Кайши и с его помощью превратить Китай в "антисоветский" и "прояпонский", что позволило бы обеспечить "спокойный тыл" для японской армий. На возможность японо-китайского сговора указывали и акции Чан Кайши, который осуществил операцию по уничтожению объединенной антияпонской армии, созданной в мае 1933 г. в Северном Китае, и вполне безбоязненно сконцентрировал основные вооруженные силы для борьбы против советских районов в Южном Китае.

Антинациональная позиция гоминдановского правительства раскрывается и в его отношении к советско-японским переговорам по КВЖД. Учитывая антисоветский курс китайского правительства и стремление западных держав втянуть Советский Союз в войну с Японией, дипломатия СССР проводила по отношению к последней политику, ставящую своей целью "укрепления мирных отношений с другими странами"[24]. Весной 1933 г. советское правительство предложило японо-маньчжурской стороне выкупить КВЖД. В марте 1935 г. переговоры, наконец, завершились подписанием документов о продаже КВЖД. Советское правительство высоко оценило итоги переговоров именно в том смысле, что с их помощью был ликвидирован острый очаг столкновения между Японией и СССР.

Гоминдановское правительство, без боя отдавшее Маньчжурию, не раз выражало протесты в связи с этими переговорами, ссылаясь на то, что "все вопросы, касающиеся Китайско-Восточной железной дороги, должны по-прежнему регулироваться соглашениями, заключенными между Китаем и Советским Союзом в

1924 г.[25], и должны решаться исключительно правительствами этих двух стран"[26]. Ответ народного комиссара М.Литвинова на запрос представителя ТАСС о возможности продажи КВЖД убедительно доказывает демагогический смысл протеста китайского правительства. Действительно, каким же образом Советское государство могло решать с Китаем возникавшие в связи с КВЖД проблемы, если "нанкинское правительство и подконтрольные ему власти перестали быть фактическими партнерами СССР на КВЖД... Они лишились возможности, по причинам от СССР независящим, осуществлять свои права и выполнять свои обязанности по выполнению Пекинского и Мукденского соглашений" 1924 г. с СССР[27].

Недовольство правительства Чан Кайши на деле объяснялось тем, что продажа КВЖД уменьшала риск советско-японского столкновения, на которое постоянно рассчитывали гоминьдановцы. Но поскольку помешать осуществлению этой акции Нанкин был не в силах, он решил использовать продажу КВЖД для нагнетания антисоветских настроений в Китае.

Одновременно гоминьдановцы продолжали попытки сближения с Японией. Так, председатель китайского правительства Ван Цзинвэй следующим образом прокомментировал произнесенную 21 января 1935 г. парламентскую речь министра иностранных дел Японии Хирота, призывавшего с помощью "мягкой политики" улучшать отношения с Китаем: "Сейчас я хочу подчеркнуть со всей откровенностью и серьезностью, что мы желаем решить все осложнения между двумя странами с полной искренностью и мирными средствами, а также с помощью регулярных контактов для того, чтобы все взаимные подозрения и все разговоры и действия, взаимно отвергающиеся и наносящие вред, могли бы постепенно быть искоренены и таким образом могли быть осуществлены надежды на тесную дружбу между двумя странами". Для реализации этих планов в феврале 1935 г. в Японию был направлен крупный гоминьдановский политический деятель Ван Чунхуэй, который после переговоров с японскими официальными лицами заявил: "Я покидаю гостеприимный берег Японии... в счастливой надежде, что кое-что сделал для того, чтобы положить конец ненужному отчуждению между двумя странами, имеющему место последние два года..."[28]. Однако расчетам гоминьдановского правительства не суждено было сбыться. Япония продолжала расширять агрессию, применяя не только военные, но и "дипломатические" средства. Переговоры привели к тому, что Япония добилась права расширить свое политическое и экономическое влияние на провинции Чахар и Хэбэй.

Участившиеся в 1935-1936 гг. провокации японской военщины на советско-маньчжурской границе и на границе МНР поставили советское и монгольское правительства перед необходимостью усиления совместных оборонительных мер. 12 марта 1936 г. они подписали Протокол о взаимопомощи. Это вызвало бурю

негодования со стороны Японии: Протокол обеспечивал прочные гарантии безопасности МНР, между тем, по плану лидера милитаристских кругов Японии генерала Гиити Танака, она должна была быть захвачена вслед за Маньчжурией. Кроме того, военные круги Японии в подписании Протокола усматривали готовность Советского Союза заключить аналогичное соглашение и с Китаем. Недаром генерал Тодзё, в те годы начальник штаба Квантунской армии, "предупреждал генералитет штаба армии о возможности коалиционного объединения Китая с Советским Союзом"[29].

Гоминьдановское правительство тоже отрицательно прореагировало на советско-монгольский Протокол. В ноте от 7 апреля 1936 г. Нанкин обвинил правительство СССР в "незаконности" заключения подобного соглашения, поскольку оно якобы противоречит советско-китайскому соглашению 1924 г. В своей ответной ноте Советское правительство отвергло необоснованное заявление китайской стороны, разъяснив, что соглашение с Монголией не нарушает предыдущих договоров с Китаем, не направлено против третьих государств, а является естественной защитной мерой против возможных нападений на договаривающиеся страны.

Стремясь сохранить мир на Дальнем Востоке, Советский Союз через своего посла в Китае 5 июня 1937 г. посоветовал Нанкину обратиться к великим державам с предложением заключить региональный пакт о взаимопомощи, а также созвать тихоокеанскую конференцию с участием этих стран. Причем, если бы эта конференция не оправдала возлагающихся на нее надежд, Советское правительство изъявило готовность вести переговоры с Китаем о заключении договора о взаимопомощи. Своевременное принятие этих предложений, несомненно, охладило бы агрессивный пыл Японии. Однако позиция Чан Кайши и западных держав воспрепятствовала претворению в жизнь этих предложенных Советским Союзом мер.

Как в начале, так и в середине 30-х годов антисоветская и антинациональная политика правящих кругов Китая оставалась главным препятствием на пути подлинного улучшения советско-китайских отношений. Потребовалось новое, на этот раз широкое вторжение Японии в Китай, и опять же в условиях, когда западные державы продолжали придерживаться позиции "спокойного созерцания и терпения", чтобы чанкайшистская верхушка гоминьдана смогла, несмотря на свой антисоветизм, взять наконец курс на сотрудничество с Советским Союзом, единственно правильный курс, отвечающий подлинным национальным интересам китайского народа.

Помощь Советского Союза Китаю и обострение советско-японских отношений в 1937–1941 гг.

Начав военные действия 7 июля 1937 г., Япония за первые два месяца захватила Тяньцзинь и Пекин, а также Нанькоу и Чжанцзякоу (Калган). В этот критический для Китая момент Советский Союз незамедлительно откликнулся на призыв о помощи и оказал китайскому народу моральную, политическую и экономическую поддержку. 21 августа 1937 г. между СССР и Китайской Республикой был подписан Договор о ненападении. Значение договора для Китая было огромным.

Советско-японские отношения в связи с советско-китайским сближением стали быстро ухудшаться. Несмотря на опасность вовлечения в вооруженный конфликт с Японией, Советское правительство продолжало расширять масштабы своей поддержки китайскому народу.

Во время Брюссельской конференции, проходившей с 3 по 24 ноября 1937 г., советская делегация предложила принять против Японии санкции, не останавливаясь даже перед крайними мерами. К сожалению, советские предложения и на этот раз не были приняты. Французский министр иностранных дел Дэльбос в своем выступлении на этой конференции заявил, что-де "никакое насильственное решение не может ни юридически, ни фактически действенно и удовлетворительно урегулировать взаимоотношения между Китаем и Японией"[30]. Не было принято западными державами и предложение китайской делегации о применении экономических санкций против агрессора.

В этих условиях огромное значение для борющегося против японской агрессии Китая имела материальная помощь, которую оказывал СССР. В марте и июле 1938 г. Советский Союз предоставил Китаю два крупных по масштабам того времени кредита по 50 млн долл. каждый, а 13 июля 1939 г. был подписан Договор о кредите в 150 млн долл. Причем поставки оружия под кредит начались уже с 1937 г., то есть до подписания официального соглашения о нем. Наконец, 16 июня 1939 г. был подписан торговый договор между СССР и Китаем. Эти соглашения и договор явились тем более важными для Китая, что в этот самый трудный для него период ни одна из западных держав, несмотря на неоднократные обращения Нанкина, не предоставила ему ни одного займа.

Оказав военную помощь Китаю, Советский Союз резко сократил экономические контакты с Японией, прекратив поставки нефти, угля, марганцевой руды и другого стратегического сырья. Экспорт из СССР в Японию упал с 40 808 тыс. иен в 1934 г. до 99 тыс. иен в 1939 г., а импорт из Японии в СССР уменьшился соответственно с 13 005 тыс. иен до 202 тыс. иен[31].

Несмотря на все эти факты, советологи упорно представляют дело таким образом, будто Советский Союз с самого начала был заинтересован в длительной китайско-японской войне, поскольку видел в этом "единственную гарантию дальнейшей

безопасности русских границ на Дальнем Востоке"[32]. Между тем активная поддержка Китая Советским Союзом была закономерным выражением политики первого социалистического государства, направленной на защиту жертв империалистической агрессии. В то же самое время самую надежную гарантию безопасности своих дальневосточных границ СССР, естественно, видел в укреплении своей обороноспособности. Крепость же ее японские милитаристы не раз пытались прощупать в конце 30-х годов. Известно, какой предметный урок они получили весной-летом 1939 г., когда объединенные советско-монгольские войска нанесли сокрушительное поражение японским милитаристам в районе Халхин-гола. Все это известно, и тем не менее фальсификации буржуазных "специалистов", оформленные в наукообразные "исторические исследования", продолжают появляться. Такая "история" явно служит тем реакционным антисоветским кругам на Западе и в Японии, которые стремятся не допустить восстановления дружеских отношений между Китаем и СССР.

Политика гоминьдановского правительства в отношении Японии и советско-китайские отношения в 1937-1945 гг.

На фоне усилий Советского Союза, стремившегося оказать всемерную поддержку борющемуся китайскому народу, в особенно неприглядном свете предстаёт политика гоминьдановских руководителей Китая, не оставивших надежду договориться с агрессором и толкнуть его к войне с СССР.

В принципе Чан Кайши был готов пойти на значительные уступки Японии. Так, в конце 1938 г. он выразил желание вести переговоры с ней на условиях восстановления положения, существовавшего до начала "большой войны" (1937 г.). Чан Кайши таким образом собирался уступить территории Северо-Восточных и Северных провинций Китая, граничащие с СССР и районами дислокации основных вооруженных сил КПК, быстро наращивавших свою мощь. Именно на упомянутых условиях гоминьдановский представитель Сяо Чжэньин вел в Гонконге секретные переговоры с представителями Японии. Так же, как и переговоры через посредничество Германии и Англии, они, однако, успеха не имели, поскольку Япония тогда еще рассчитывала на захват всего Китая.

В конце 1939 г. гоминьдан, обеспокоенный быстрым ростом вооруженных сил КПК, попытался оказать на нее вооруженное давление. Вследствие этого Советский Союз вынужден был приостановить военные поставки в счет третьего займа. А попытки гоминьдановского правительства развязать гражданскую войну в начале 1941 г. вызвали демарш советского правительства. Действия СССР чанкайшисты использовали для обострения советско-китайских отношений.

Особенно активно развернулась антисоветская пропаганда в Китае в связи с подписанием 13 апреля 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете. Гоминьдановцы с нескрываемым раздражением отнеслись к этому пакту, обвиняя советское государство в "предательстве" интересов китайского народа. Подлинной же причиной "негодования" чанкайшистов явилось то, что этот пакт уменьшал их надежды на войну между СССР и Японией, или по крайней мере, отсрочивал ее на неопределенное время. Помимо этого, чанкайшисты опасались уменьшения советской помощи Китаю. Однако советское правительство 16 апреля 1941 г. уведомило китайские власти, что японо-советский пакт о нейтралитете не вызовет изменения политики Советского Союза в отношении Китая и не уменьшит помощи со стороны СССР.

В связи с нападением фашистской Германии на СССР антисоветские настроения в правящих кругах Китая стали нарастать. Они особенно усилились в 1941-1942 гг. "Чан Кайши, - записал 10 июля 1942 г. американский представитель в Чунцине Стилуэлл, - предпочитает победу Германии сильной России у границ Китая..."[33]. Стабильный антисоветизм гоминьдановского правительства не мог не вести к ухудшению советско-китайских отношений. Хотя в октябре 1941 г. Советское правительство, известив Чунцин о невозможности в условиях войны с фашистской Германией оказывать военную помощь Китаю, подчеркнуло готовность продолжать взаимную торговлю товарами невоенного характера, гоминьдановцы сознательно пошли на свертывание экономических связей с СССР, инспирировали антисоветскую кампанию в Синьцзяне.

В трудный период войны с Германией в 1941-1942 гг. СССР одновременно сохранял достаточно сил на Дальнем Востоке на случай нападения со стороны Японии. Необходимо подчеркнуть, что наличие дальневосточных вооруженных сил Советского Союза явилось косвенной помощью китайскому народу. Как писал в 1951 г. маршал Не Жунчжэнь, эти силы "сковывали миллионную Квантунскую армию японских разбойников... что в значительной мере облегчало тяготы войны сопротивления Китая"[34].

Крах гитлеровского рейха, неизбежное участие СССР в предстоящем разгроме Японии и возрастание роли Советского Союза в послевоенном мире заставили гоминьдан активизировать свои усилия с целью улучшения китайско-советских отношений. Летом 1945 г. начались переговоры о заключении Договора о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой. 14 августа 1945 г. договор был подписан. По поводу этого события орган КПК "Цзефан жибао" от 27 августа 1945 г. писал: "Мы считаем, что этот договор является еще одним проявлением той политики равноправия, которую всегда проводил Советский Союз по отношению к нам, он является славным результатом того, что наш китайский народ борется за скорейшее

улучшение дружеских связей между Китаем и СССР... Мы глубоко сознаем огромное значение договора и приложим еще большие усилия, чтобы закрепить и развить успехи этого договора".

Анализ развития отношений между СССР, Китаем и Японией в 1931-1945 гг. полностью опровергает искусственные концепции буржуазных авторов о политике Советского Союза в те годы. Факты свидетельствуют об активной роли Советского Союза, о его неизменно положительной реакции на просьбы Китая о помощи в отпоре японской агрессии. Конечно, укрепляя связи с ним, Советский Союз преследовал и интересы обеспечения безопасности своих дальневосточных границ. Разъясняя суть советской внешней политики на Дальнем Востоке посланнику Швеции в СССР Юлленшерну, член коллегии НКВД СССР Б. Стомоняков говорил, что советская политика, с одной стороны, "диктуется... охраной наших законных интересов на Дальнем Востоке, а с другой - стремлением к сохранению мира, что является основой всей нашей ...внешней политики"[35].

Экономический рост Японии в сочетании с быстрым наращиванием ее военного потенциала превращал японский милитаризм в наиболее активную силу, формировавшую обстановку в регионе Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. С другой стороны, усиление фашизма, подготовка войны Германией в Европе в те годы отвлекали внимание европейских капиталистических стран от Дальнего Востока и, в частности, отодвигали на второй план значение "сфер влияния" в Китае. Напряженность на Европейском континенте имела для таких держав, как Англия и Франция, первостепенное значение, поскольку от нее зависело само существование этих государств. Кроме того, западные державы были убеждены, что противоречия в Европе и на Дальнем Востоке будут разрешены в результате военного столкновения Германии и Японии с СССР, провоцированию которого была фактически подчинена и европейская, и дальневосточная политика Англии, Франции, США.

США, значительно в меньшей степени вовлеченные в европейские дела, уделили большее внимание Дальнему Востоку, хотя в Вашингтоне вплоть до начала 40-х годов мало опасались войны с Японией, поскольку превосходство американского флота над японским было огромным. Между тем столкновение США с Японией "из-за Тихого океана и обладания его побережьями"[36], о котором с гениальной прозорливостью в 1920 г. говорил В.И. Ленин, становилось все более реальным. Часть правящих кругов Японии понимала это и готовилась к нему. Однако в большинстве своем правящий лагерь Японии ратовал за войну с Советским Союзом, а это предопределило и выжидательный характер позиции США.

Сложное внешнеполитическое положение Советского Союза также благоприятствовало активизации агрессивных устремлений Японии. Военная угроза со

стороны Германии приковывала внимание СССР к Европейскому континенту. Попытки Советского государства организовать коллективный отпор японской агрессии в Китае не встречали отклика со стороны других стран. Из-за позиции нанкинского правительства не удалось противопоставить Японии и тесный военно-политический союз с Китаем. В сложной обстановке тех лет, в условиях усиленных попыток западных держав и Китая столкнуть СССР с Японией, советское правительство своей искусной дипломатией не дало вовлечь нашу страну в войну с Японией.

Япония в советско-китайских отношениях в рассматриваемый период приобретала исключительное значение и потому, что Китай являл собой слабую в экономическом и раздробленную в политическом отношении страну. Даже оккупация Японией обширных провинций Северо-Восточного и Северного Китая не привела к созданию единого национального фронта для отпора агрессору. Такое положение позволяло японкой военщине без особого труда захватывать китайские территории.

Сочетание всех этих благоприятных для Японии факторов способствовало проведению ею агрессивной политики в Китае, в районе Тихого океана, что в конечном счете предопределило значительные сдвиги в "советской" политике гоминьдановского правительства, хотя на всем протяжении периода 1931-1945 гг. оно не меняло сущности своей антисоветской позиции.

Р. Ш-А. Алиев (О.А. Арин)

Май 1978

[1] Dallin D. Soviet Russia and the Far East. New Haven, 1948; Moore H.L. Soviet Far Eastern Policy, 1931-1945, Princeton (New Jersey), 1945; Lensen G.A. The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941-1945. Florida, 1972; Krieger K.S. Das sowjetisch-japanische Verhältnis, 1931-1941, Mainz., 1970; Brahm H. Die Chinapolitik Russlands und der Sovietunion, Koln, 1969; Kashin A., Riemer R. Die russische Chinapolitik, München, 1970

[2] Нихон гайко си кэнкю. Т., 1958; Хата И. Ниттю сэнсо си, Т., 1961; Тамура К. Тайхэйё сэнсо гайко си. Т., 1966; Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Кайсэнгайко си. Т., 1962-1963; Нихон гайко си. 15~й том: Ниссо кокко мондай, 1917-1945. Т., 1970, 17-й том (Проблемы японо-советских дипломатических отношений, 1917-1945. Т., 1970); Тюгоку насёнаридзиму-то ниттю канкэй-но тэнкай. Т., 1971 (Китайский национализм и изменения в японо-китайских отношениях. Т., 1972); Тайхэйё сэнсо си. Т., 1971-1972; Сакамото К. Хэнкё-о мэгуру тјосо каннэйси, Т., 1974.

[3] Brahm, s.18.

[4] Cameron M.E., Mahony T.H.D., McReynolds G.E. China, Japan and the Powers. N.Y., 1952.

[5] Dallin, p.3.

[6] Dallin, p. 63.

[7] Krieger, s. 62.

- [8] Kashin, Riemer, s. 36-37.
- [9] Внешняя политика СССР. Сб. Документов. Т.5, М., 1947, с.364-365.
- [10] Boyd R.G. Communist China's Foreign Policy. New York, 1962, p. 2.
- [11] Lensen, p. 32.
- [12] Ниттю сэно (Японо=китайская война). Токио, 1963, том 4, с.75, 317.
- [13] Тамура, с. 169, 170, 355,
- [14] Хата, с. 271.
- [15] Lensen G.A. The Damned Inheritans. The Soviet Union and the Manchurian Crises. 1924-1935, Florida, 1974, p. X.
- [16] Moore. p. 16.
- [17] Gathorne-Hardy G. A Short History of International Affairs. 1920-1938, L., p. 314.
- [18] Документы внешней политики СССР (Далее: "ДВП СССР"), т.ХУ, с.814.
- [19] Moore, p. 20-21.
- [20] Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с.75.
- [21] «ДВП СССР», т. XVI, с. 630.
- [22] The China Year Book. 1933, L., p. 656.
- [23] "ДВП СССР", т.ХУ, с.395.
- [24] "ДВП СССР". Т., XVI, с.55.
- [25] Подписанное 31 мая 1924 г. "Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой" предполагало восстановление дипломатических отношений между обеими странами и означало отказ правительства СССР от привилегий царской России в Китае и т.д. Это был первый равноправный договор Китая с великой державой.
- [26] The China Year Book, 1934, Shanghai, 1934, p. 732-733.
- [27] «ДВП СССР», т. XVI, с. 290.
- [28] The China Year Book, 1935, Shanghai, 1935, p. 136.
- [29] Borton H. Japan's Modern Century, N.Y., 1955, p. 347.
- [30] Всемирная история. М., 1962, Т., IX, с.439.
- [31] Moore, p. 115.
- [32] Kashin, Riemer. s. 34-35.
- [33] Цит.по:Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные, отношения на Дальнем Востоке. Кн.2, М., 1973, с.208.
- [34] Бородин Б.А.Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне. М., 1965, с.189-190.
- [35] «ДВП СССР», т. XV, с. 146.
- [36] Ленин В.И. ПСС, т. 42, с. 94.

